

БОГОСЛОВИЕ В ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ

Размышления о сути и значении богословия

СУЩЕСТВУЕТ ЦЕЛЫЙ РЯД ЧАСТО УПОТРЕБЛЯЕМЫХ слов и привычных для всех явлений, которые кажутся всем до боли понятными, но спроси любого: «Что это такое?» – не каждый сможет дать внятный ответ. К примеру, все мы, казалось бы, знаем, что такое *цвет*, но не каждый сможет быстро и понятно дать определение этому простейшему слову. А ведь даже если со знанием дела попытаться дать чёткое определение этому слову и стоящему за ним явлению, эта попытка всё равно потребует усилий, ведь одного-единственного ответа на вопрос «что такое цвет» не существует. С одной стороны, можно сказать, что цвет – это определённое качество материальных *предметов*, их способность по-разному отражать или поглощать волны света разной длины в зависимости от их (предметов) собственного химического состава, а также от освещения. С другой стороны, цвет – это определённое качество *света*, его способность по-разному преломляться и отражаться от различных поверхностей в зависимости от их светоотражательной или поглощательной способности и/или от длины самих световых волн. С третьей стороны, цвет – это определённое качество человеческого *глаза*, его способность по-разному реагировать на световые – прямые или отражённые – волны разной длины.^[1] Т.е. такое простое слово и такой стандартный феномен – «свет» – имеет такое сложное и многогранное определение или даже несколько возможных определений.

А всё дело в том, что и определение, и восприятие этого простого явления на самом деле не могут быть простыми, потому что сам по себе цвет — нечто непростое и комплексное. Элементарный термин «цвет» обозначает собой фундаментальное, но очень сложное и многогранное психофизическое явление, без которого невозможно представить наш мир. Соответственно, формулировка адекватного пояснения того, чем же на самом деле является цвет, требует использования более-менее комплексного подхода. На сложные вопросы не бывает лёгких ответов.

Похоже обстоят дела и с более умозрительными и абстрактными вещами, в частности, с богословием. В принципе, любой христианин понимает, о чём идёт речь, когда он слышит слово «богословие» (или его более западную версию — «теология»),^[2] однако далеко не каждый сможет верно сформулировать определение этого «христианского феномена», и далеко не каждое высказанное определение можно будет считать верным. Поэтому вопрос «что же такое богословие?» не должен — и не может — звучать банально и скучно. Поскольку богословие — вещь комплексная, её не получится высказать двумя-тремя простыми словами. Более того, поскольку богословие, как и цвет, обладает действительно разносторонней и многогранной природой, возможны несколько определений и пояснений. Но избежать самого вопроса о сущности богословия

принципиально невозможно: если современные христиане размышляют, говорят и даже спорят о христианском вероучении, библейско-богословских принципах и тому подобных вещах, которые так или иначе можно назвать «богословскими», то крайне необходимо понимать, *что* имеется в виду под этим привычным, но неоднозначным словом — «богословие».

Таким образом, целью данной статьи является попытка осмыслить явление богословия с учётом присущей ему сложности и многогранности, а затем, в свете этих размышлений, задаться вопросом о месте и роли богословия в жизни церкви. И первым — рабочим и наиболее общим — объяснением того, чем является богословие, будет слегка перефразированная формулировка известного протестантского теолога XX века Вольфхарта Панненберга: богословие — это «многогранный концепт (и) всеобъемлющий термин, обозначающий попытку постижения всего того, что относится к христианскому вероучению».^[3] Отталкиваясь от этой фразы, попытаемся рассмотреть более детальные и глубокие формулировки с тем, чтобы подойти к более полному пониманию того, что такое богословие, и в чём его ценность для современной церкви.

Богословие как *богомыслие*

Предложенное базисное определение теологии нельзя назвать полным. Конечно же, богословие — это действительно попытка постижения

^[1] См. например, Michael D. Harkavy (ed.), *The Webster's International Encyclopedia: The New Home Illustrated Guide* (Naples, Florida: Trident Press International, 1996), s.v. "color," или другие энциклопедии и словари.

^[2] В этой статье термины «богословие» и «теология» используются взаимозаменяемо. Прим. Р. Ткаченко.

^[3] Wolfhart Pannenberg, *Systematic Theology*, transl. G.W. Bromiley (Grand Rapids, MI: Eerdmans, 1991–1998), 1:6. "The many-sidedness of the concept of theology as a comprehensive term for the quest for knowledge relating to Christian teaching..." Здесь и далее перевод Р. Ткаченко.

идей, аспектов и тем христианского вероучения, однако всё это звучит слишком размыто. Ведь вероучение — само по себе сложное понятие, которое можно истолковать по-разному. Однако, если пытаться дать чёткое определение богословию, то важно определиться с границами или, хотя бы, с центром тяжести этой попытки познания христианства. И здесь очень кстати будет лексическое значение самого слова «теология».

Как многие знают, этот термин происходит из греческого языка (греч. *theologia*) и является составным словом: его ингредиентами служат слова «бог» (греч. *theos*) и «слово» (греч. *logos*). Причём второй термин обозначает не только слово, но и рассуждение, беседу или размышление. Т.е. теология — это *размышление или речь о боге* или, используя красивое русское слово, *богомыслие*.^[4] Следовательно, центром или основным объектом исследования пытливого человека, стремящегося к богословствованию, является не просто вероучение, но некий Бог, его природа, характер, откровение, действия в мире и, разумеется, отношение к нам, людям.

Однако здесь возникает острая необходимость выстроить границу такого размышления, ведь, исходя из вышеуказанного определения, непонятно, какой бог подразумевается. Соответственно, богословием можно назвать и рассуждения русского или украинского неоязычника о славянских богах, и древнегреческие мифы о походе-

ниях богов олимпийских, и чтение сур из Корана об Аллахе, и проповедь пастора харизматической общины о библейском Боге, и отстранённые абстрактные теории философа или физика-теоретика о Высшем Разуме. Неужели всё это действительно речи о боге, имеющие одинаковое право называться теологией или теологиями?

Раз уж мы изначально определили богословие как попытку постижения христианского вероучения, то тем самым мы, по сути, уже ограничили и подспудно пояснили этот концепт: богословие в полном смысле слова — это *христианское* богословие. Следовательно, теперь можно — и нужно — сделать уточнение, касающееся бога как «центра тяжести» или основного объекта изучения. Его хорошо сформулировал евангельско-англиканский теолог Алистер Мак-Грат: Если существует один Бог и именно этот Бог есть «Бог христиан» (заимствуя выражение автора II в. Тертуллиана), то природа и круг идей богословия оказываются относительно чётко и ясно определёнными: «Богословие представляет собой рассуждения о Боге, которому поклоняются христиане».^[5]

Таким образом, теология становится *размышлением о Единственном в Своём роде Троицином Боге, Боге Библии и христианской Церкви, а также обо всём, что к Нему относится: о Его Личности, Его Откровении, Его мире и Его спасении*. Именно такую теологию должны подразумевать христиане.

[4] См. Richard A. Muller, *Dictionary of Latin and Greek Theological Terms: Drawn Principally from Protestant Scholastic Theology*, (Grand Rapids, Michigan: Baker Books, 1985), s.v. “theologia;” Алистер Мак-Грат, *Введение в христианское богословие*, пер. с англ. Н.Ф. Полторацкой и В.Я. Дыханова (Одесса: Богомыслие, 1998),

126. Также ср. Миллард Эриксон, *Христианское богословие*, пер. с англ. (СПб.: Библия для всех, 1999), 16; Рик Корниш, *Краткие очерки богословия*, пер. с англ. (СПб.: Шандал, 2006), 19.

[5] Мак-Грат, *Введение в христианское богословие*, 126.

Однако остаётся вопрос: а что же насчёт мыслей и речей о Боге (или боге) со стороны нехристиан? можно ли называть это богословием или нет? разве не могут их попытки постижения бога являться попытками постижения живого Бога? Ответ прост: конечно же, нехристиане также размышляют о Боге, и их теоретические построения (как у философов) или основанные на их вере и логике рассуждения о Всевышнем (как у мусульман) являются в некотором смысле богословием. Просто здесь необходимо сделать разграничение, которые издавна делали христианские теологи, особенно протестантские схоласты XVI–XVII вв.: существует «богословие возрождённых» (лат. *theologia regeneritorum*) как богопознание, которым занимаются духовно возрождённые и исповедующие Господа Иисуса Христа христиане, а есть «богословие невозрождённых» (лат. *theologia irregeneratorum*) как размышления о Боге, свойственные невозрождённым и некрещёным людям. Первый тип богословствования можно однозначно считать надёжным и истинным, т.к. христиане обладают всей полнотой Божьего Откровения в Иисусе Христе и через Его весть о спасении. Второй же тип богословствования может быть как истинным (лат. *theologia vera*), так и ложным (лат. *theologia falsa*).^[6] Выводы философов и представителей других религий о Боге могут – и во многих случаях наверняка являются – верными, однако это негарантировано. Следовательно, можно сказать, что теология как духовно-интеллектуальное рассуждение об истинном Боге косвенно присуща всем людям. Но

именно *христианская* теология является наиболее завершённой и полноценной версией такого рода попытки постижения Божественной Тайны по причине совершенства и завершённости Божьего Самооткровения через Иисуса Христа.

Такого рода логическая цепочка демонстрирует, насколько уникальным и важным является христианское богословие. Однако, кроме всего прочего, последнее определение его сущности ведёт к чёткому ответу на следующие вопросы: кто такой богослов? и каково место богословия в церкви?

Если теология – это христианское богословие в широком смысле, то тогда каждый христианин – теолог. Более того, христианин *не может не быть* теологом в этом смысле. Ведь, как верно замечает Рик Корниш, «читать Библию, иметь веру и любить Бога – все это требует размышления и понимания. Богословие помогает уяснить прочитанное ...укрепляет нашу веру и вдохновляет любовь к Богу. Правильно понимать Слово Божье, глубоко верить в Бога и всем сердцем любить Его невозможно без помощи размышления, а значит, богословия».^[7] Но и это не всё: каждый христианин *обязан* быть теологом. Такой вывод необходимо следует из данного нами определения богословия и наивысшей заповеди, как она была сформулирована Иисусом Христом в Мк. 12:30 (Современный русский перевод РБО): «Люби Господа, твоего Бога, всем сердцем, всей душой, всеми помыслами и всеми своими силами». Любовь к Богу должна находить своё выраже-

^[6] Muller, *Dictionary of Latin and Greek Theological Terms*, s.v. “theologia irregeneratorum,”

“theologia falsa,” “theologia ectypa.”

^[7] Корниш, *Краткие очерки богословия*, 19.

ние как в эмоциональной («душа», чувства) или практической («силы», дела), так и в интеллектуальной («помыслы», размышления) деятельности. Слово, обозначающее «помыслы» (греч. *dianoia*), в более широком смысле подразумевает собой понимание, постижение, разум как орган, осуществляющий мышление, или собственно мышление как способность здраво рассуждать о чём-либо.^[8]

Таким образом, становится очевидным, что Бог буквально повелевает нам не только любить его сердцем или чувствами, но и размышлять о Нём с любовью, задействуя свой разум. Однако эти мысли должны вести к посвящённой Ему жизни: богомыслие должно вести к «богоделанию», т.е. к богослужению всей своей жизнью.

«Безусловно, благочестивая жизнь прославляет Бога, но такая жизнь проистекает из благочестивого образа мыслей, в котором немалую роль играет богословие. Ленивое и иррациональное мышление не приносит Богу славы, поэтому ученик Христа, по-настоящему любящий Бога, будет стремиться развивать и использовать свой разум для Его славы».^[9]

И теперь, думаю, становится понятным, какой должна быть роль богословия в церкви: если богословие — это богомыслие, то тогда богословствование — это *задача церкви в целом и каждого её члена по мере своих сил в частности*. Это не значит, что каждый христианин обязан богословствовать всё время, или, что все в церкви

обязаны рассуждать о Боге одинаково. Быть христианским богословом (в таком широком смысле) ещё не значит быть хорошим богословом. Здесь, как и в любой другой сфере жизни и служения, требуется смирение, аккуратность, посвящённость и, в конце концов, время. Однако обсуждение вопроса о том, как нужно богословствовать, всё же не входит в задачи этой небольшой статьи, поэтому нам необходимо двигаться дальше.

Подытоживая данный раздел, следует отметить два момента:

1) Выведенное здесь определение теологии (*богословие — это христианское размышление о Единственном в Своем роде Троином Боге, Боге Библии и христианской Церкви*) является фундаментальным и общим. Оно *фундаментально* в том смысле, что более-менее точно и адекватно отвечает на наиболее ключевые вопросы о природе богословия: чем оно занимается, Кто именно выступает в роли его «объекта» изучения, и кто является богословом. *Общим* же оно является в силу того, что оно достаточно просто, максимально всеобъемлюще и полностью применимо ко всему сообществу учеников Иисуса Христа, ведь все они призваны к богомыслию и богопознанию как частям единого процесса богослужения.^[10]

2) Тем не менее, это определение не является полным и достаточно детальным. Скорее, его можно сравнить лишь с одной стороной многогранной

^[8] William F. Danker, Walter Bauer, William F. Arndt and F. Wilbur Gingrich (eds.), *A Greek English Lexicon of the New Testament and Other Early Christian Literature* (BDAG), 3rd ed. (Chicago: University of Chicago Press, 2000), s.v. “*dianoia*.”

^[9] Корниш, *Краткие очерки богословия*, 20.

^[10] См. Тарас Дятлик, «Богословское образование как органичная часть богослужения: библейские основания», в *Материалы Второго богословского форума «Богословие в богослужении»*. Киев, 9-10 ноября 2007 (Ровно: ПП ДМ, 2008), 23-26.

концепции богословия. Если сравнить эту концепцию с драгоценным камнем, то нужно представить себе наличие разных по размеру и форме граней: одна грань будет в форме большого пятиугольника, другая в форме маленького шестиугольника, а третья — средних размеров квадрата. И всё это будут стороны одного и того же камня. Тогда, если следовать такой аналогии — это именно аналогия, и не более! — можно сказать, что данное нами общее определение теологии — это самая большая грань драгоценного камня. Однако есть несколько других граней. Они немного меньше по размеру, но и они — части целого. И у этих частей есть свои особенности и функции, о которых стоит поговорить подробнее.

Богословие как *боговидение* и *богообщение*

Первая из трёх меньших граней драгоценного камня христианского богословия — это подход к определению сущности и задач богословия, свойственный восточной христианской традиции. Чаще всего его исповедуют православные, однако он близок по духу и некоторым протестантам и католикам. Этот подход строится на убеждении, что самое подлинное богомыслие возможно только при наличии опыта подлинного боговидения и близкого общения с самим Богом. Опыт духовного приобщения к Богу является и наивысшей целью и основным исходным пунктом

христианского богословия. Такой подход часто именуется мистическим богословием. Но термин «мистицизм» или «мистическое богословие» нужно правильно истолковать. По мнению английского православного служителя Эндрю Лаута, он [мистицизм] может быть охарактеризован как поиск и опыт тесных отношений с Богом. Мистик не довольствуется знанием о Боге, он стремится к единению с Богом... Поиск Бога, или наивысшего, ради Него Самого, и нежелание довольствоваться ничем меньшим кроме Него; *поиск тесных отношений с Тем, к Кому так стремится душа*: вот что является сердцем мистицизма.^[11]

То есть богословствование подразумевает не просто размышление, а устремление всего сознания человека к Богу, направление его духовной мысли ввысь, ориентацию не на получение информации о природе Бога, но на диалог с самим Творцом. Речь идёт об *особой* попытке постижения Бога: это попытка постижения опытного, невыразимого и возможного только через содействие Святого Духа.^[12] Собственно благодаря действию Третьего Лица Троицы человек и может «прикоснуться» к Богу, т.е. обрести возможность духовного созерцания и постижения Божьего величия. В конце концов, именно эта практика «религиозно-мистического и духовно-символического» богопознания определяет сущность богословия согласно православному вероучению.^[13] Более того, «человек,

[11] Andrew Louth, *The Origins of the Christian Mystical Tradition: From Plato to Denys* (Oxford: Clarendon Press, 1981), xv. Цитируется в Дональд М. Ферберн, *Иными глазами... Взгляд евангельского христианина на Восточное Православие*, пер. с англ. Т. Дятлика (Корны: ЧП ДН, Б.г.), 85; в первом случае курсив автора, во втором случае — мой. Прим. Р. Ткаченко.

[12] John Meyendorff, "Doing Theology in an Eastern Orthodox Perspective," in *Eastern Orthodox Theology: A Contemporary Reader*, 2nd ed., ed. D.B. Clendenin (Grand Rapids, Michigan: Baker Books, 2003), 87.

[13] Юрий Булычёв, *Православие: Словарь неопифита* (СПб.: Амфора, 2004), «Богословие».

не имеющий мистического опыта богообщения, не может претендовать, согласно православной традиции, на истинное знание о Боге».^[14]

И хотя все эти термины вроде слов «мистика» или «созерцание» не являются привычными для протестантского уха, саму идею можно выразить чуть проще. И тогда можно будет увидеть определённое сходство между восточно-православным и восточно-евангельским мышлением. Как обобщает православно-мистический подход к богословию евангельский исследователь восточного христианства Дональд Фэрберн, «В понимании Восточной Церкви, задачей богословия и действительным призванием христианской жизни является достижение такого единения с Богом, такой близости с Ним, при которых человек становится частью Божественной жизни, Божественного общения».^[15]

Такого рода формулировки не совпадают вполне, но всё же являются созвучными некоторым убеждениям евангельских христиан. Например, при условии замены понятия «мистическое богопознание» на «молитвенное размышление», можно легко увидеть частичное сходство между двумя духовными традициями. Конечно, молитва не является прямо мистическим опытом боговидения, однако она всегда считалась, включая евангельские теории и практику, моментом общения с Богом. В частности, в баптистской «Догматике» авторства А.М. Бычкова и А.И. Мицкевича о

молитве говорится, что она (а) «вдохновляется Святым Духом» и (б) «открывает Бога, явленного нам Иисусом Христом».^[16] А если уточнить, (согласно стандартным протестантским воззрениям) что наилучшее богопознание основывается на изучении Священного Писания, то добавляется ещё один элемент частичного сходства с православием: верное понимание смысла Писания и знание о Боге возможны только при условии вдохновения человека и его просвещения Святым Духом. Об этом в частности писал корифей евангельского движения в России Иван Каргель.^[17] Таким образом, допустимо говорить о том, что восточной традиции (в первую очередь православной и во вторую очередь протестантской) свойственен акцент на близкие отношения с Богом и, в частности, на духовно-мистическое приобщение к Нему. В такой схеме богословие следует определить как *постижение Бога посредством духовных и интеллектуальных усилий, направленных на опыт общения с Богом и приобщения к Богу*. Говоря проще, богословие — это дисциплина строго духовная: это боговидение и богообщение.

Что интересно, такое определение довольно легко можно вписать в современные церковные реалии и дать библейское обоснование правомерности такого подхода. Известно, что апостол Павел не раз писал о том, какой должна быть жизнь христианской общины. И очень часто он говорил о Духе Святом и особых

^[14] Там же.

^[15] Дональд М. Ферберн, *Иными глазами... Взгляд евангельского христианина на Восточное Православие*, пер. с англ. Т. Дятлика (Корны: ЧП ДН, Б.г.), 85-86.

^[16] А.М. Бычков и А.И. Мицкевич, *Догматика* (М.: ФСЭХБ / миссия «Восток-Запад» /

Drukhaus Gummersbach, 1993), 94.

^[17] М.Р. Кузнецова, «Герменевтические принципы И.В. Каргеля», в *Альманах по истории русского баптизма: Сборник. Выпуск 4*, сост. М.С. Каретникова (СПб.: Библия для всех, 2009), 161-162.

дарах, которыми Он наделяет верующих для того, чтобы они могли служить Богу и церкви. Одним из классических духовных даров можно назвать дар пророчества. Вот что сказано о нём в Рим. 12:6 (Синодальный перевод): «И как, по данной нам благодати, имеем различные дарования, то, имеешь ли пророчество, пророчествуй по мере веры». Но что имеется в виду под даром пророчества?

В то время как неверно автоматически отождествлять пророчество с предсказанием будущего,^[18] абсолютно верно понимать его как, с одной стороны, получение особого откровения или особого задания (миссии) от Бога и как, с другой стороны, возвещение этого откровения тем, кому оно адресовано.^[19] Т.е. дар пророчества — это духовная способность произносить «вдохновлённые... Духом слова, которые не были сознательно сформулированы разумом»,^[20] вследствие близкого общения с Богом.

Таким образом, пророк — это действительно тот, «кому дано возвещать Божью Весть», как переводит это слово из Рим. 12:6 *Современный перевод РБО*. Однако получает эту весть пророк особым образом: её источник — опыт боговидения (в определённом смысле) и богообщения.

В современной церкви такого рода пророками можно считать отдельных проповедников, которым Бог действительно даёт особые откровения, а также людей, которые склонны делиться своими «свидетельствами» о

том, что им сказал или «положил на сердце» Господь. Конечно, очень сложно сразу определить, кто из свидетельствующих или проповедующих достоин называться современным пророком. Но это не повод отказываться от того, что этот дар существует. В любом случае, если Дух Святой даёт кому-либо особое познание и поручает провозгласить особую весть, Он даст слушающим (по крайней мере, тем из них, кто готов воспринимать Божье Слово) и способность услышать и принять эту весть.

В целом же, анализируя такой духовно-мистический подход к богословию, можно заключить, что он является вполне обоснованным с точки зрения библейского учения и духовной христианской традиции. Подлинно глубокое богословие невозможно без близкого общения с Богом. А такое общение невозможно без определённого духовного и интеллектуального устремления к Трёхличностному Богу. Но это подвижничество должно совершаться в контексте христианской общины и во благо этой общины.^[21]

Роль же такого «духовного богословия» в церкви заключается в том, чтобы (а) просто делиться своим опытом общения с Богом для назидания братьев и сестёр по вере, а также (б) целенаправленно возвещать богооткровенные истины, открытые Духом Святым и подтверждённые Священным Писанием, с тем, чтобы «учить, обличать, исправлять, наставлять, как жить честной жизнью»

[18] James D. G. Dunn, *Romans 9-16*, vol. 38B of *Word Biblical Commentary*, ed. by B.M. Metzger, D.A. Hubbard and G.W. Barker (Dallas: Word, Incorporated, 2002), 726-727.

[19] BDAG, s.v. “profetia,” “profetes.”

[20] Dunn, *Romans 9-16*, 727.

...[I]nspired speech, words given as from “without” (by the Spirit) and not consciously formulated by the mind.

[21] См. Meyendorff, “Doing Theology,” 87.

(2 Тим. 3:16, РБО).^[22] Т.е. мистик — это уникальным образом настроенный на «Божью волну» служитель и проповедник, а духовно-мистическое богословие — это «пророческое» (по Св. Павлу) богословие. И оно также нужно церкви. Однако существует и немного другое церковное богословие, и о нём также нужно поговорить.

Богословие как собственно богословие или провозглашение

Существует ещё один важный тип провозглашения Божьей вести. Однако он не подразумевает никакого особого духовно-мистического опыта или специфического откровения. И, тем не менее, он крайне важен для церкви и её богословия, т.к. тоже является подходом к богословию. Причём этот подход пользуется немалой любовью у протестантов, особенно у евангельских христиан. А всё дело в том, что он связан с изложением и провозглашением Евангелия, т.е. Благой Вести о Божьей любви, Иисусе Христе и человеческом спасении. Библейской идеей, вдохновляющей такое видение служения церкви и богословия, являются Великое Поручение Иисуса Христа и Павлово учение о духовном даре благовестия и/или апостольства.

Содержание Великого Поручения можно найти в стихах Мф. 28:18-20, которые звучат так (РБО): «Иисус... сказал: “Мне дана вся власть на небе и на земле. Итак, ступайте и сделайте все народы Моими учениками. Крестите их во Имя Отца, Сына и Святого Духа и научите соблюдать все, что Я вам повелел. И знайте: Я с вами всегда, до конца мира”». Слова же Св. Павла о евангелистах как служителях Бога и церкви можно увидеть, например, в Еф. 4:11-12, где сказано (РБО, курсив мой): «И это Он даровал, кому быть *апостолами*, кому пророками, кому *евангелистами*, кому пастырями и наставниками, чтобы приготовить святой народ Божий к делу служения, к делу созидания Тела Христа». Если не относить термин «апостол» исключительно к конкретной группе ближайших учеников Христа и лидеров первой церкви, то это слово близко по значению к слову «евангелист». Оба термина подчёркивают идею посланничества с целью передачи определённой вести от Бога.^[23] Однако именно второй из них явно и ясно демонстрирует, что Павел пишет о служении проповедников евангелия как об одной из важнейших характеристик церкви. Эти люди призваны говорить о Божьем спасении людям, причём как знакомя с ним тех, кто никогда о нём не слышал, так и раскрывая его смысл тем, кто его уже слышал.^[24] Проповедь

^[22] Ср. с позицией Каргеля: «Слова Каргеля о непосредственных откровениях от Духа верующим людям больше согласуются с взглядами анабаптистов... Они считали, что Бог может непосредственно говорить к верующему. Ряд известных анабаптистов, таких как Менно, Марпек, Ридеман и швейцарские братья, считали, что Библия — это Слово Божье, но при этом Слово Божье не ограничивается Библией, хотя все откровения должны проверяться на основании библейской нормы. ...Что касается Каргеля, он, хотя на словах и признавал возможность того, что “Дух Святой откры-

вает Своим детям и теперь ещё совершенно непосредственно волю Божию” (Христос освящение наше. 92), нигде не приводит таких «дополнительных» откровений в качестве аргументов. ...Каргель отмечает, что эти «особые» откровения ни в коем случае не должны противоречить Писанию». Кузнецова, «Герменевтические принципы И.В. Каргеля», 159-160.

^[23] См. BDAG, s.v. “apostolos,” “euangelistes.”

^[24] Klyne Snodgrass, *Ephesians*, The NIV Application Commentary, ed. Terry Muck (Grand Rapids, Michigan: Zondervan, 2004), 204.

Божьих истин и спасительной вести — это задача определённых людей в церкви, для церкви и от имени церкви.

Но это больше, чем задача отдельных людей, по мнению многих протестантов. Согласно их пониманию, это миссия самой церкви в её целостности. «Первая цель Церкви — евангелизация мира» (как это сформулировано в учебнике по пятидесятническому богословию У. Мензиса и С. Хортона).^[25] Или, «основная цель Церкви на земле — возвещать грешникам о Спасителе и спасении (как это говорится в учебнике по баптистской догматике А. Бычкова и А. Мицкевича).^[26] Т.е. ключевое действие церкви — это истолкование и проповедь христианского учения о Боге, мире и спасении.

Но поскольку провозглашение вести подразумевает понимание её содержания, а собственно евангелие содержится в Писании, то задача богословия — это «изучение библейских доктрин».^[27] Т.е. акцент на благовестии требует предварительного наличия богословия, т.к. именно богословие косвенно определяет, *что, кому и как* нужно говорить. Без понимания содержания библейской (в целом) и евангельской (в частности) вести невозможно делиться этой

вестью с другими. Чтобы раскрыть суть Божьего Откровения другим, необходимо раскрыть эту суть самому. И в этом протестантам вторят и другие традиции. Например, православный теолог XX века Александр Шмеман выразил это убеждение так: «Богословие есть... раскрытие Откровения на основании самого Откровения — Евангелия, благой вести о жизни и смерти Христовой. ... Откровение является специальной сферой богословия; назначение богословия — раскрытие этого Откровения».^[28]

Но это только один «полюс» взаимодействия между благовестием и богословием. Существует ещё один: после того как люди услышали Радостную Весть о Спасителе и (некоторые из них) приняли её с верой, приходит время объяснения основ веры этим новообращённым. А такая катехизация является, опять-таки, теологическим предметом (это так называемое «катехетическое богословие» в старом реформатском смысле).^[29] Она служит введением в христианскую догматику и библейское учение. Т.е., получается, что взаимодействие благовестия и библейски-ориентированного богопознания выглядит так:

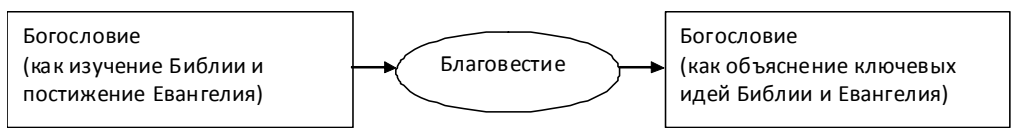


Рис. 1

^[25] Уильям Мензис и Стэнли Хортон, *Библейские доктрины: Пятидесятническая перспектива*, пер. с англ. (Спрингфилд, Миссури: Life Publishers International / Лайф Паблшерз Интернешнл, 1999), 174.

^[26] Бычков и Мицкевич, *Догматика*, 114.

^[27] Мензис и Хортон, *Библейские доктрины*, 7.

^[28] Александр Шмеман, *Введение в богословие. Курс лекций по догматическому богословию 1949–1950 гг.*, <http://www.reformed.org.ua/2/225/Schmemann> (24.11.2008).

^[29] Muller, *Dictionary of Latin and Greek Theological Terms*, s.v. “theologia catechetica.”

Но ведь на самом деле даже само благовестие выступает в роли некоего богословия. Поскольку проповедь евангелия — это изложение ключевых «спасительных истин» Библии и христианской веры, она, по сути, также служит и провозглашением богословия и изложением ряда богословских идей. Соответственно, в такой модели церковной жизни рождается вполне определённое понимание — и определение — богословия. Богословие — это, с одной стороны, «любое исследование, дающее ответ на вопрос: “чему Библия в своей целостности учит нас сегодня?”».^[30] С другой же стороны, оно есть описание, изложение и провозглашение библейских истин, до которых служитель-исследователь «докапывается» в процессе изучения Писания. Конечная же цель исследования — это всегда провозвестие истин Писания в проповеди и, особенно, в проповеди Радостной Вести. Так, евангельское благовестие и библейское (систематическое) богословие оказываются тесно связаны друг с другом. И в этой связи рождается специфическое понимание христианской теологии: она суть *систематическое изучение и изложение библейских истин в виде проповеди и провозглашения Слова Божьего (Евангелия)*.

Таким образом, благовестнически-ориентированное богословие — это библейское богословие. Но, кроме всего прочего, это именно *богословие* с акцентом на второй части этого слова. Основным аспектом такого богословствования является изучение

^[30] Wayne A. Grudem, *Systematic Theology: An Introduction to Biblical Doctrine* (1994; repr., Grand Rapids, Michigan: Zondervan, 2000), 21. Systematic theology is any study that answers the question, “What does the whole Bible teach us

Слова, облечение его истин в ясные слова и высказывание этих слов посредством провозглашения Божьего послания людям. Т.е. и определение, и церковные задачи теологии в рамках церковной жизни предельно ясны.

Получается, что теолог в рамках рассматриваемой схемы — это библиист,^[31] миссиолог,^[32] проповедник или евангелист. Богословие — это благовестие или изложение Библии, т.е. по большей части описательное предприятие. Но, при всём желании, богословие не может *только* описывать то, что говорит Библия, и что является её центральным посланием. А раз так, то, пожалуй, стóит перейти к рассмотрению последней из обсуждаемых граней христианского богословия — грани критической и аналитической.

Богословие как *богопознание* или *научное богомыслие*

Подход к богословию как достаточно последовательной и строгой научной дисциплине зародился в западно-католической традиции, но является присущим и протестантизму. И всё же не в его конфессиональной принадлежности суть. Главное — в его содержании.

Этот подход отталкивается от идеи христианского учительства и возможности разумного богопознания. Основы такой направленности заложил, опять-таки, апостол Павел. Именно он писал о духовном даре учительства как об отдельной функции в теле церкви. В частности в Рим. today?” ...

^[31] Т.е. исследователь Библии.

^[32] Т.е. исследователь теории и практики миссии и миссионерства.

12:7 (РБО) он говорит: «(у каждого свое назначение:) кому учить — пусть учит»; а в Еф. 4:11 он упоминает дар наставника (или учителя). В обоих случаях используются однокоренные слова, производные от глагола «учить» (греч. *didasko*). Они относятся к авторитетному поучению и наставлению более молодых (в духовном или физическом смысле) членов христианской общины в христианском вероучении.^[33] Причём речь идёт о регулярном служении, которое не подразумевало получение особого откровения непосредственно от Бога (как в случае с пророчеством) или просто проповедь основных евангельских истин (как в случае с благовестием).^[34] Скорее, здесь имеется в виду троякое служение, которое заключалось в следующем:

- 1) сохранение всей полноты раннехристианского учения о Боге и Христе,
- 2) тщательное изучение и авторитетное толкование уже имеющегося письменного и устного откровения и
- 3) систематическая передача содержания этого откровения членам церкви.^[35]

Т.е. миссия учителя в общине по своему характеру близка к функциям пастора и учёного.^[36] Она пасторская настолько, насколько её задачей является созидание и наставление общины.^[37] Но она также научно-аналитическая настолько, насколько она нацелена на изучение и осмысление уже имеющихся богооткровенных

данных. Следовательно, служение учителя ведёт к необходимости осмысления Божьего откровения и произведение определённых критически-аналитических операций над ним. В таком случае возникает вполне чёткое и последовательное понимание роли и задачи богословия.

В такой «учительной» системе теология — это, как выразился католический мыслитель XX века Карл Ранер, «наука о вере. Это краткое и методическое объяснение и толкование Божественного откровения, полученного и принятого верой».^[38] Здесь богословие — это богопознание с акцентом на слово «знание», что требует активного участия разума и его способностей. Однако, чтобы не истолковать такое определение неверно, стоит обратить внимание на его формулировку ещё раз и прокомментировать отдельные моменты.

Ключевым пунктом № 1 служит концепт «вера». Именно она является «точкой старта» для любого рационального христианского размышления. Свв. Августин и Ансельм Кентерберийский в своё время это выразили лозунгом «я верую, чтобы понимать» (лат. *credo, ut intelligam*). А он, в свою очередь, породил кратчайшее определение богословия как науки: вера, ищущая понимания (лат. *fides quaerens intellectum*).

Ключевым пунктом № 2 служит концепт «наука». Хотя сейчас словом

[33] См. BDAG, s.v. “didasko,” “didaskalos.”

[34] Snodgrass, *Ephesians*, 204; Dunn, *Romans 9-16*, 729.

[35] См. Dunn, *Romans 9-16*, 729.

[36] См. Ярослав Назаркевич, «Должен ли пастор быть богословом, и как прекратить неграмотность с кафедры», в *Материалы Второго богословского форума «Богословие в богослужении»*. Киев, 9-10 ноября 2007 (Ровно: ПП ДМ, 2008), 97-107.

[37] См. Snodgrass, *Ephesians*, 204.

[38] Мак-Грат, *Введение в христианское богословие*, 128; курсив мой. Ср. с лаконичным определением Заутера и Панненберга — «Догматическое богословие — это наука о [христианской] догме или христианском учении» (“Dogmatics is... the science of dogma?? or of Christian doctrine.”) — в Pannenberg, *Systematic Theology*, 1:8.

«наука» чаще всего обозначают точные науки, такое определение не является изначальной и безапелляционной трактовкой этого термина. Традиционное англо- (или романо-германско-) язычное слово, выражающее идею науки, — это «science» (также фр. «science», ит. «scienza», исп. «ciencia»). Оно происходит от латинского слова «scientia», что значит «знание» или «осведомленность». Т.е. с точки зрения значения самого слова (этимологически и лексически) идея науки происходит от идеи знания или от стремления к знаниям. Более того, как справедливо высказался величайший протестантский теолог XX века Карл Барт, «под наукой [следует] понимать соотносящуюся с определенным предметом и сферой деятельности попытку понимания и изложения, исследования и изучения. Никакое человеческое деяние, в том числе и наука, не может притязать на то, что является чем-то большим, чем попытка».^[39] Следовательно, наука есть попытка познания и не более.

Ключевым пунктом № 3 служит концепция «методического объяснения и толкования откровения». Уже сама формулировка указывает на то, что согласно этому определению теология — это скрупулёзный и методичный по своему характеру труд, направленный на осмысление богооткровенных данных. Она есть критичное и конструктивное «разумное осознание откровения Божьего».^[40]

В целом же, можно сказать, что богословие — это *рациональное бого-*

познание или научное богомыслие, основанное на вере. Более полно эту мысль выразил К. Барт: «Догматика — это наука, в которой церковь в соответствии с тем или иным уровнем своего знания, руководствуясь Писанием и своими символами, критически осмысляет содержание своего воззрения».^[41] В ракурсе церковной жизни такая теология выполняет функцию сохранения, (пере-)осмысления и (пере-)толкования христианского вероучения. А непосредственно в роли теолога выступает пастор-учитель, учёный-богослов или аналитически мыслящий проповедник. В данном контексте богословие является не описательной, а аналитической и предписательной дисциплиной. Здесь теолог не просто размышляет и рассказывает о своих идеях, но учит, указывает и призывает церковь к верности истине.

Разумеется, это не единственный возможный подход к осмыслению природы и задач богословия, однако на наш взгляд он достаточно понятно представляет разностороннюю картину «устройства» церкви и рисует «портрет» многоликого церковного богословия.

Заключение: богословие как *богоцентричный многогранник*

Во-первых, наилучшим базовым и общеприменимым (в рамках христианской церкви) определением христианского богословия следует считать следующее: богословие — это богомыслие или богоцентричное

^[39] Карл Барт, *Очерк догматики. Лекции, прочитанные в Университете Бонна в летний семестр 1946 года*, пер. с нем. Ю.А. Кимелева (СПб.: Алетей, 2000), 10.

^[40] Йозеф Ратцингер (Бенедикт XVI), *Сущность*

и задачи богословия. Попытки определения в диспуте современности, пер. с нем. В. Хулапа (М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея (ББИ), 2007), 26.

^[41] Барт, *Очерк догматики*, 10.

мышление, т.е., говоря более конкретно, *размышление о Единственном в Своем роде Троицином Боге, а также обо всём, что так или иначе к Нему относится: о Его Личности и природе, Его Откровении, Его мире и Его спасении*. Из этого определения проистекает вывод о том, что во свете первой заповеди богословствование как богомыслие является задачей всей церкви, включая её отдельных членов, хотя и не в одинаковой степени. Этот образ мышления должен способствовать служению церкви и духовному росту её членов.

Однако, во-вторых, вместе с этим базисным определением богословия существует как минимум три более узких определения. Они, в свою очередь, указывают на три более конкретных и ответственных служения в рамках единого Тела церкви. Вот эти определения богословия и специфические служения (или духовные дары), связанные с ними:

- Богословие — это боговидение и богообщение, т.е. *постижение Бога посредством духовных и интеллектуальных усилий, направленных на опыт общения с Богом*. Богослов — это «пророк», т.е. получатель и «передатчик» богооткровенных истин, открытых ему Духом Святым и подтверждённых Священным Писанием.
- Богословие — это библейское исследование и благовестие, т.е. *изучение и изложение библейских истин в виде проповеди и провозглашения Слова Божьего (Евангелия)*. Богослов — это библейский проповедник и/или евангелист.
- Богословие — это рациональное богопознание или научное богомыслие, основанное на вере, т.е.

методическое рациональное объяснение и толкование Божественного откровения, полученного и принятого верой (по Ранеру) или самокритичное и критическое переосмысление церковью своего вероучения и возвещения (по Барту). Богослов — это пастор-учитель или учёный-богослов.

Эти три определения не следует воспринимать как конкурирующие (когда какое-либо определение или род служения, на который оно указывает, рассматривается как исключаящий другие определения и служения) или иерархичные (когда какое-либо определение или род служения, на который оно указывает, претендует на большую важность или авторитетность). Стоит рассматривать эти три определения богословия как три стороны одного и того же драгоценного камня — христианского богомыслия. Это просто три возможных способа богословствования, которые имеют одинаковое право именоваться теологией и приносить пользу Божьему Царству и церкви.

Эти три определения хорошо помещаются в классификацию богословской деятельности, предложенную англиканским мыслителем Роуэном Уильямсом. Он говорит о том, что богословие бывает трёх видов или стилей: «описательный, коммуникативный и критический стили». Причём ни один из них не является исчерпывающим и идеальным. Напротив, все они нужны друг другу. Как пишет д-р Уильямс, «Богословие зарождается как *описательный* феномен, попытка изобразить мысли и образы в их взаимосвязи так, чтобы раскрыть их глубочайшее значение. Таков язык гимнов и проповедей,

каким мы встречаем его в древней церкви — Песнь Песней, поэзия Ефрема Сирина, гомилии и некоторые виды толкований на Писание. ...

Проблемы начинаются, когда язык, пропитанный поэтическим началом, замыкается в себе. ... Богословие теряет способность к развитию, самообновлению и к проповеди благовестил внешнему миру. Богословие все же должно убеждать, учить, проповедовать — и не только в «своем» культурно-историческом окружении: за самыми долгими и экзотическими экскурсами в поэзию и филологию, за самыми странными идиомами и структурами мысли в нем должна просматриваться Благая весть. Так возникает «коммуникативное» богословие, цель которого — «перевод» христианского благовестия на язык внешнего мира. ...

Однако рано или поздно этот путь приводит к кризису: встает вопрос: сохраняется ли при переводе на тот или иной чужой язык и чужой образ мысли единство христианской истины? Действительно ли фундаментальные категории веры и в ином обрамлении остаются теми же? ... Такое вопрошание о фундаментальных понятиях — дело критического богословия, полного сомнений и рефлексии, неизменно внимательного к собственным неясностям и натянутостям. ... Оно может вести к возрождению «описательного богословия» через указание на непосредимую таинственность своего предмета, на тщетные попытки языка описать недоступное никакому пониманию и воображению. Так замыкается круг, и все начинается сначала.^[42]

^[42] Роуэн Уильямс, *О христианском богословии*, пер. с англ. Н. Холмогоровой (М.: ББИ, 2004), 11-14 (выбросно).

Исходя из такой трактовки, логично сделать заключение о существовании «богословского круга»:

- теологическая мысль зарождается как описание библейских истин и духовных образов,
- продолжается как пояснение и сообщение этих истин другим и
- завершается как критическое переосмысление собственно провозвестия, стремящееся дать жизнь новой описательной стадии.

Однако в этот круг, наверное, необходимо добавить один существенный элемент (духовное боговидение или богообщение) и скрестить два имеющихся элемента (описание и коммуникацию) ввиду их близости. Тогда мы бы получили следующую картину в свете рассмотренных в данной статье определений богословия:

- теологическая мысль зарождается в церкви как опыт её общения с Богом и получения от Него Откровения в виде уже существующего Писания и (в некотором смысле) Предания или отдельных откровений и наставлений,
- продолжается в виде описания, провозглашения и краткого толкования этого Откровения и
- завершается глубоким анализом всех аспектов Откровения и критическим осмыслением своего понимания этого Божественного Откровения, ведущими к новой ориентированности на свежее переосмысление Божьих истин в свете живых отношений с Ним и благодаря действию Святого Духа.

Такова вторая возможная трактовка «богословского круга» (см. рис. 2).

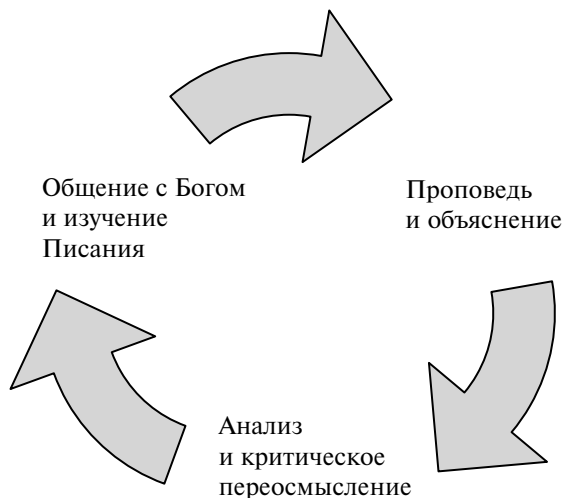


Рис. 2

В целом же, даже если и не задействовать идеи кругов, можно обобщить все высказанные выше мысли так: богословие является неотъемлемой частью жизни церкви. Причём жизнь отдельного члена церкви можно было бы описать такими терминами: *боговидение, богообщение, богопознание, богомыслие, богословие и богослужение*. И несколько слов из этого ряда так или иначе подходят к сложному

концепту под названием «богословие». Он включает в себя несколько возможных определений и указывает на несколько различных даров Духа церкви. И если эти определения суть грани одной реальности, то, таким образом, можно сказать, что богословие — это *богоцентричный многогранник в мышлении и служении церкви*.

Библиография

- Барт, Карл. *Очерк догматики. Лекции, прочитанные в Университете Бонна в летний семестр 1946 года*. Пер. с нем. Ю.А. Кимелева. СПб.: Алетей, 2000.
- Булычёв, Юрий. *Православие: Словарь неопита*. СПб.: Амфора, 2004.
- Бычков А.М. и Мицкевич А.И. *Догматика*. М.: ФСХБ / миссия «Восток-Запад» / Drukhaus Gummersbach (Germany), 1993.
- Дятлик, Тарас. «Богословское образование как органичная часть богослужения: библейские основания». В *Материалы Второго богословского форума «Богословие в богослужении»*. Киев, 9-10 ноября 2007, 23-26. Ровно: ПП ДМ, 2008.
- Корниш, Рик. *Краткие очерки богословия*. Пер. с англ. СПб.: Шандал, 2006.
- Кузнецова М.Р. «Герменевтические принципы И.В. Каргеля». В *Альманах по истории русского баптизма: Сборник. Выпуск 4*, составитель М.С. Каретникова, 116-189. СПб.: Библия для всех, 2009.
- Мак-Грат, Алистер. *Введение в христианское богословие*. Пер. с англ. Н.Ф. Полторацкой и В.Я. Дыханова. Одесса: Богомыслие, 1998.
- Мензис, Уильям, и Хортон, Стэнли. *Библейские доктрины: Пятидесятническая перспектива*. Пер. с англ. Спрингфилд, Миссури: Life Publishers International / Лайф Паблишерз Интернешнл, 1999.
- Назаркевич, Ярослав. «Должен ли пастор быть богословом, и как прекратить неграмотность с кафедры». В *Материалы Второго богословского форума «Богословие в богослужении»*. Киев, 9-10 ноября 2007, 97-107. Ровно: ПП ДМ, 2008.
- Ратцингер, Йозеф (Бенедикт XVI). *Сущность и задачи богословия. Попытки определения в диспуте современности*. Пер. с нем. В. Хулапа.

- М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея (ББИ), 2007.
- Уильямс, Роуэн. *О христианском богословии*. Пер. с англ. Н. Холмогоровой. М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея (ББИ), 2004.
- Ферберн, Дональд М. *Иными глазами... Взгляд евангельского христианина на Восточное Православие*. Пер. с англ. Т. Дятлика. Корнын: ЧП ДН, Б.г.
- Шмеман, Александр. *Введение в богословие. Курс лекций по догматическому богословию 1949-1950гг.* <http://www.reformed.org.ua/2/225/Schmemann> (24.11.2008).
- Эриксон, Миллард. *Христианское богословие*. Пер. с англ. СПб.: Библия для всех, 1999.
- Danker, William F., Bauer, Walter, Arndt, William F., and Gingrich, F. Wilbur, eds. *A Greek English Lexicon of the New Testament and Other Early Christian Literature* (BDAG). 3rd ed. Chicago: University of Chicago Press, 2000.
- Dunn, James D. G. *Romans 9-16*. Vol. 38B of *Word Biblical Commentary*, edited by Bruce M. Metzger, David A. Hubbard and Glenn W. Barker. Dallas: Word, Incorporated, 2002.
- Clendenin, Daniel B., ed. *Eastern Orthodox Theology: A Contemporary Reader*. 2nd edition. Grand Rapids, Michigan: Baker Books, 2003.
- Grudem, Wayne A. *Systematic Theology: An Introduction to Biblical Doctrine*. 1994. Reprint, Grand Rapids, Michigan: Zondervan, 2000.
- Meyendorff, John. "Doing Theology in an Eastern Orthodox Perspective." In *Eastern Orthodox Theology: A Contemporary Reader*, 2nd ed., edited by Daniel B. Clendenin, 79-96. Grand Rapids, Michigan: Baker Books, 2003.
- Muller, Richard A. *Dictionary of Latin and Greek Theological Terms: Drawn Principally from Protestant Scholastic Theology*. Grand Rapids, Michigan: Baker Books, 1985.
- Pannenberg, Wolfhart. *Systematic Theology*. Vol. 1. Translated from German by Geoffrey W. Bromiley. Grand Rapids, MI: Eerdmans, 1991.
- Snodgrass, Klyne. *Ephesians*. The NIV Application Commentary, edited by Terry Muck. Grand Rapids, Michigan: Zondervan, 2004.
- Harkavy, Michael D., editor-in-chief. *The Webster's International Encyclopedia: The New Home Illustrated Guide*. Naples, Florida: Trident Press International, 1996.